

Лу Цинюань мчался обратно, бережно сжимая драгоценные стебли травы Драконьего Хвоста. Он не смел потерять ни мгновения. Остальные соученики уже собрали нужные снадобья и теперь с нетерпением ждали только его.

В спальне Чжун Янь сосредоточенно мерил пульс Шэнь Мэнчжуана. Хмуро разглядывая рваную рану на его спине, лекарь произнес:

— Остался самый важный, последний шаг.

— Да что еще?! Говори уже, не тяни кота за хвост! Легко тебе поучать, не ты же тут распластанный лежишь!

Чжоу Буфань, глядя на то, как неторопливо Чжун Янь щупает пульс и осматривает повреждения, отчаянно чесал затылок от досады.

— Нужно вытянуть яд, — ответил Чжун Янь, даже не поведя бровью, и указал на след от отравленного дротика. — Без этого никакая трава Драконьего Хвоста не поможет.

— Тоже мне невидаль, — фыркнул Чжоу Буфань. Разведя скрещенные на груди руки, он шагнул к постели и потянулся к Шэнь Мэнчжуану, намереваясь приподнять его. — Делов-то. Сейчас я своей внутренней силой этот яд наружу и вышибу.

— Не смей, — осадил его Чжун Янь, перехватив за локоть. — Если попытаешься вытолкнуть яд силой, сделаешь только хуже. Стоит заразе добраться до сердца — и даже величайшие лекари древности не вернут его с того света.

— Да чтоб тебя! Так что делать-то, говори наконец!

Чжун Янь опустил голову и промолчал, напряженно подыскивая выход. Чжоу Буфань в нетерпении мерил комнату шагами. Все замерли, боясь даже вздохнуть, и неотрывно смотрели на целителя в надежде, что тот вот-вот предложит хоть какое-то спасение.

Глядя на бледного, беспмятного Шэнь Мэнчжуана, Лу Цинюань чувствовал, как глухая тоска тисками сдавливает грудь. Если он больше никогда не услышит голоса старшего соученика, не увидит его мягкой улыбки... Жизнь без него казалась страшнее любой, даже самой мучительной смерти.

— Я сам!

Лу Цинюань решительно подошел к кровати и опустился на колени. С предельной осторожностью он отвел в сторону окровавленный край одеяния Шэнь Мэнчжуана. На некогда чистой, белой коже запеклась темная, почти черная кровь. Чжун Янь попытался удержать его за плечо:

— Опомнись. Ты же сам свалишься от этого яда.

Лу Цинюань резко сбросил его руку, даже не обернувшись. Наклонившись, он приник губами к ране и принялся высасывать отравленную черную кровь, сплевывая ее на пол, глоток за глотком.

«Старший соученик спасал меня. Раз за разом, не жалея себя. Если судьбе угодно забрать чью-то жизнь взамен... пусть забирает мою. Лишь бы он дышал, лишь бы жил».

Е Чжэнчжэн, видя, как синеют губы Лу Цинюаня, упрямо продолжавшего вытягивать яд, до боли сжала пальцами подол платья. Слезы сами собой покатались по ее щекам, и она едва слышно, одними губами, повторяла его имя.

Остальные заворуженно молчали, пораженные его самоотверженностью. В комнате воцарилась такая тишина, что стал слышен шорох оседающей пыли. Даже Чжоу Буфань, покосившись на младшего, почувствовал, как в груди что-то дрогнуло.

«А пацан-то не промах. Есть у него совесть. Не зря старший так с ним носился».

Когда из раны пошла чистая алая кровь, Лу Цинюань утер губы широким рукавом и глухо бросил целителю:

— Начинай.

Чжун Янь кивнул и взял приготовленную ступку с растертым снадобьем. Теперь, когда отраву вытянули, выходить раненого не составляло труда.

Дворец Погасшего Сияния

В то же самое время в главном чертоге Дворца Погасшего Сияния, что в Царстве демонов, на почетном месте восседал Анькуй. По правую руку от него устроился гость — могущественный посланник Чан Се, чье имя наводило ужас на всю округу. Еще сто лет назад по велению прежнего Демонического владыки он встал на стражу Земель Горечи и Радости, и по силе своей уступал лишь самому Анькую.

Оба они синхронно потянулись к чаркам, пригубили их и одновременно опустили обратно на стол — точь-в-точь одно лицо, если бы не содержимое. В чаше Анькуя дымился ароматный чай, тогда как Чан Се смаковал густую, теплую кровь. Демоны пили кровь по самой своей природе, и Чан Се искренне не понимал, зачем его собрат перенимает привычки смертных. Какая радость лакать эту горькую темную жижу? Он терпеть не мог чай и пить его наотрез отказывался.

— Послушай, Анькуй, — нарушил молчание Чан Се. — Раз уж ты разыскал нашего Владыку, почему молчал? Или такова его воля?

Он бесцеремонно придвинул к себе лежавшую перед Анькуем яшмовую подвеску и принялся вертеть ее в руках, пренебрегая всякими приличиями. Хозяин чертога лишь скользнул по нему бесстрастным взглядом.

— Тот, кого ты видел, еще не вполне наш Владыка.

— Это еще как понимать? — Чан Се замер, уставившись на собеседника в недоумении. — Что значит «не вполне»?

Анькуй задумчиво постучал пальцами по резному дереву столешницы.

— В теле этого мальчишки действительно заключены духовная сущность и Ядро Демона прежнего Владыки. Но пока он плоть от плоти смертный. Если мы хотим вернуть истинного Демонического владыку во всем величии, нам придется воссоздать его изначальное тело — средоточие чистейшей тьмы и порока. Лишь тогда он вновь возглавит наше царство.

Чан Се мало что понял из этих заумных рассуждений, но для виду кивнул.

— И у тебя уже есть на примете способ?

— Пока мне удалось отыскать лишь одну утерянную нить его расколотов души, — Анькуй покачал головой. — А еще — Запретную Печать Забвения Смерти, которую наложили когда-то четверо старейшин ордена Цансюань. Чтобы вернуть Владыку, эту печать необходимо разрушить. В этом весь ключ.

— И ты знаешь, как это сделать?

— Пока нет. Но скоро узнаю.

— Каким образом?

— Всеу свое время. Тропинка сама выведет нас куда нужно, а тот, кто ищет выгоды, сам явится на порог.

Чан Се лишь досадливо поморщился. За сотни лет Анькуй ни капли не изменился — все так же темнил и изъяснялся загадками. Только прежний Владыка и мог терпеть его бесконечные недомолвки. Решив не тратить силы на расспросы о печати, посланник спросил о другом:

— А что делать с малым, на котором клеймо Кровавой Печати Смерти?

Анькуй повернулся к нему и, сделав еще один неторопливый глоток чая, невозмутимо ответил:

— Разве я не говорил, что он и есть наш Владыка? По крайней мере, пока мы не сотворим для него новое тело, он им останется.

— Но ты же сам только что твердил, что он «не вполне»!

— Даже если не вполне, суть от этого не меняется.

— Тьфу на тебя, слова из тебя не вытянешь! Одно расстройство с тобой разговаривать!

Раздосадованный Чан Се резко поднялся с места. Напоследок он прихватил со стола яшмовую безделушку и, не прощаясь, зашагал прочь, взмахнув широкими рукавами. Проводив незваного гостя взглядом, Анькуй поднялся и не спеша подошел к своему письменному столу. Тот, кто ему нужен, рано или поздно придет сам.

В спальне у кровати Шэнь Мэнчжуана больше никого не осталось. Лу Цинюань сидел совсем один, бережно сжимая его ладонь в своих ладонях. Он прижался щекой к тыльной стороне руки старшего соученика, ловя малейшее движение его ресниц, и невольно протянул свободную руку, чтобы коснуться его лица. Но стоило пальцам зависнуть в паре цуней от щеки, как Шэнь Мэнчжуан приоткрыл глаза. Перепуганный Лу Цинюань тут же отдернул руку, чудом избежав неловкости.

— Старший соученик, ты очнулся!

Лу Цинюань не помнил себя от радости. Он крепко сжал его ладонь, чувствуя, как от облегчения перехватывает горло. Слезы брызнули из глаз, и он, не сдержавшись, припал к груди Шэнь Мэнчжуана. Он плакал взахлеб, утыкаясь лицом в его мокрую от слез рубашку и крепко, до боли обнимая, боясь отпустить хотя бы на миг.

— Ты наконец-то очнулся... Я думал... я думал, что потерял тебя навсегда! Мне было так страшно...

Чувствуя, как мелко дрожит прильнувший к нему юноша, Шэнь Мэнчжуан ласково провел ладонью по его волосам. С трудом преодолевая слабость во всем теле, он принялся медленно, успокаивающе гладить его по голове.

— Все хорошо, я здесь, — его голос прозвучал едва слышно. — Открываю глаза, а рядом ты...

Я... очень рад.

«Старший соученик... неужели он правда хотел, чтобы первым, кого он увидит после пробуждения, был... именно я?»

Шэнь Мэнчжуан мягко высвободился из объятий и посмотрел на притихшего Лу Цинюаня. Тот растерянно хлопал мокрыми ресницами, все еще не веря своим ушам. Старший соученик тихо, беззлобно рассмеялся и бережно стер солевую дорожку с его щеки.

— Разревелся, как маленький. На кого ты похож? Самый настоящий чумазный котенок. Не стыдно?

Лу Цинюань поспешно утерся рукавом и потянулся к стоявшей на тумбочке плошке. Зачерпнув немного теплой каши, он подул на ложку и аккуратно поднес ее к губам раненого.

— Поешь немного, тебе нужны силы. А потом примусь за отвар — целитель сказал, нужно пить его без капризов, чтобы скорее встать на ноги.

Глядя, как младший усердно разыгрывает из себя строгого взрослого, Шэнь Мэнчжуан снова улыбнулся. Ему захотелось подыграть этой милой заботе, и он шутливо, с притворной немощью протянул:

— У меня совсем нет сил... Пусть Сяо Цзю сам покормит своего старшего соученика.

— Хорошо! Сяо Цзю обо всем позаботится!

Они заговорщицки переглянулись. Лу Цинюань бережно остужал каждую ложку и терпеливо кормил Шэнь Мэнчжуана. Перед глазами его вдруг всплыл тот давний день, когда они, израненные после сурового наказания, вернулись в свои покои. Тогда старший соученик точно так же, ложка за ложкой, кормил его теплой похлебкой. То был первый раз в жизни Лу Цинюаня, когда о нем кто-то искренне позаботился. И с тех самых пор этот человек неизменно заслонял его собой от любых невзгод.

Сердце Лу Цинюаня затапливало теплое, щемящее чувство благодарности и тихой радости.

Радости от того, что его любят. И от того, что теперь он сам может уберечь своего спасителя. Он больше не был тем беспомощным ребенком, способным лишь прятаться за чужую спину. Наконец-то он мог делом доказать свою преданность тому, кто всегда выделял его среди прочих, баловал и оберегал.

«Отныне и навсегда я буду беречь его еще сильнее».

— Вот и умница, все съел. Теперь я пойду на кухню, приготовлю целебный отвар. А ты лежи смирно и жди меня.

Договорив, Лу Цинюань несмело протянул руку и ласково погладил Шэнь Мэнчжуана по макушке, точно так же, как тот обычно делал сам. Он легонько похлопал его по волосам, словно и впрямь ухаживал за захворавшим ребенком.

Шэнь Мэнчжуан не удержался от улыбки. Покорно кивнув, он тихо ответил:

— Хорошо. Обещаю лежать тихо и послушно ждать тебя.

Проводив его взглядом, Лу Цинюань довольно улыбнулся и направился к выходу, собираясь заняться лекарством. Но стоило ему сделать шаг за порог, как перед глазами все завертелось. Мир мгновенно погрузился в непроглядную тьму, колени подогнулись, и он замертво рухнул на пол.

— Сяо Цзю! — в ужасе закричал Шэнь Мэнчжуан.

Забыв о собственной ране и ноющей боли, он рванул на себя одеяло, соскочил с постели и босыми ногами бросился к выходу. Склонившись над упавшим юношей, он поспешно приподнял его, прижимая к себе.

<http://bllate.org/book/20579/2214877>